

* * *

В. Распутину

Добротный, навеки поставленный дом
на взгорке, у самой железной дороги.
В нем стрелочник жил. Выходил с фонарем,
цигарку курил в темноте на пороге.

Он знал свое дело – встречал поезда
и стрелку старательно чистил от снега.
Он думал: не сдержит ничто никогда
ни гула, ни свиста, ни стука, ни бега.

Ах, много на свете бессменных вещей,
да, видно, не всё неизменно на свете...
Растут между шпал лебеда и пырей,
играют на рельсах беспечные дети.

Теперь эти рельсы ведут в никуда,
в тупик упираются на косогоре.
А дальше – ангарская плещет вода:
Андрея Ефимыча Бочкина море.

В горах скоростная легла магистраль,
а эта дорога – уже не дорога.
Июнь отцветает, метелит февраль –
Забот у старушки не очень-то много.

Лишь в полночь, от мрачных тоннелей устав,
приходит не знающий шумных перронов
печального вида кургузый состав
из двух или трех допотопных вагонов.

И стрелочник в том не виновен ничуть,
что вдруг его должность сочли за безделку:
оставлен отныне единственный путь
и нету нужды перекидывать стрелку.

...А в доме – иной обитатель. Причем,
как стрелочник трудится тоже на совесть.
Он пишет здесь повесть. Не знаю, о чем.
Дай бог, чтобы вышла хорошая повесть!